

Сакуру отправили домой, когда листья начали распускаться на 37-м году со дня основания Конохагакуре.

Несмотря на то, что она была физически способна на это, ее статус шиноби в отпуске по болезни означал, что она не могла бежать домой; вместо этого она сидела рядом с краем фургона, наполненного другими, гораздо более ранеными шиноби, которых забирали домой после нескольких недель ожидания.

У многих отсутствовали конечности. Другие были обожжены, парализованы или бесконтрольно дергались.

Некоторые, как и она, прижались к стене, но их разум был раздроблен до такой степени, что они оставались там на протяжении всей поездки, съежившись и ожидая волшебного лечения, которое, казалось, обещала им крупнейшая больница в мире.

Ее ситуация – она больше не могла справляться со стрессом на фронте, но все еще вполне могла функционировать на тылу – была странной и обычно наблюдалась только у детей. Утверждалось, что их разум более эластичен, чем у взрослых; они могли бы лучше и более надолго выздороветь, тогда как взрослого с такими же симптомами, возможно, придется навсегда отстранить от лечения.

Что ей уже стало намного лучше, когда она была не на дежурстве, когда ее заставили отдохнуть – она все еще не могла этого почувствовать, хотя все ее симптомы вернулись в полной силе, но она могла передвигаться, могла говорить, могла заниматься своей жизнью. как обычно.

Она задавалась вопросом, есть ли в мире Ардена какие-нибудь аналогичные недуги.

Она не осмелилась проверить.

Сама поездка была... терпимой.

Ниндзя-медик, который приходил, чтобы ухаживать за ранеными на протяжении всего путешествия, по большей части игнорировал ее, за исключением того, что просил, чтобы она пополняла фляги неподвижных шиноби на каждой остановке.

Она была рада этому — это дало ей возможность размять ноги и подвигаться.

Тем, кому она помогла, повезло меньше.

В остальном, к сожалению, ее время проводилось почти так же, как в больнице.

Думая.

Даже сейчас она все еще не могла понять, как все так быстро развалилось. Погружение в воспоминания Арден явно имело негативный эффект, но казалось не таким уж плохим, и все эти месяцы назад остальная часть ее жизни действительно становилась более радужной.

Совместные усилия шиноби и самураев по новой идеологической обработке местных жителей выглядели многообещающими, еда была настолько разнообразной, что она снова добавила в свой рацион исследования. Карьера и времяпрепровождение, которые всегда подогревали ее интерес, даже когда в ней была только она. ее исследование на заднем дворе, как взаимодействуют вещества, наконец-то вернулось в ее жизнь с искренним рвением, и все же.

Повозка скрипела при движении.

Это был обычный скрип в такт рыси двух лошадей, тянущих его.

До того, как прибыл самурай, он бежал впереди и сзади повозок, волоча их вперед.

Лошади были гораздо эффективнее.

Скрип был постоянным, который только усиливался во время дождя, но в остальном был невероятно постоянным.

Они еще даже не покинули Страну Грибов, когда шум затих на ее периферии.

Это тоже было ново.

Или, ну, не совсем ново, но значительная часть ее сенсорной тренировки заключалась в тренировке естественного импульса мозга к сенсорной адаптации; постоянно быть внимательным даже к самым обыденным ощущениям.

Однако прошли месяцы с тех пор, как ей пришлось что-то чувствовать, и по крайней мере половину этого времени она принимала обезболивающие лекарства.

Инстинкт, хотя и постоянно червь в ее сознании, стремящийся вернуться к работе, спал.

Вместо этого Сакура обнаружила, что наблюдает за птицами и другими животными, живущими в дикой природе, окружающей дорогу.

Страна Грибов, когда она не пробиралась по колено в грязи, на самом деле была завораживающей своим биоразнообразием, и даже когда они добрались до собственно Страны Огня, и акры лесов были лишь разбиты нерегулярной деревней и окружающими ее сельскохозяйственными угодьями, птицы, грызуны и более крупные млекопитающие, которые носились повсюду, устало наблюдая за своим караваном, представляли собой захватывающее зрелище.

Она оставалась дома, когда они проезжали через деревни – они все это делали; нападение на медицинский караван два месяца назад означало, что все находящиеся поблизости люди привели фургон в состояние повышенной боевой готовности.

Им не хотелось идти на юг настолько, чтобы увидеть Великую Равнину Страны Огня.

Она задавалась вопросом, как поживают скотоводы.

Скрип повозки, несмотря на то, что раньше он отходил на второй план, внезапно снова стал отчетливым, когда Сакура заметила его отсутствие — они остановились у обрушившегося моста.

Она подошла к передней части фургона.

«...нет, мост на север слишком мал». Сказал водитель-чунин, указывая на карту. «А тот, что на юге, далеко на юге».

«Кроме того, — сказал ниндзя-медик, прислонившись к подпоркам повозки, — мы можем видеть следы других повозок — мокрые следы повозок — идущие прямо через реку. Это возможно?»

Водитель нахмурился. «Рискованно, но возможно. Ты прав, что другие это сделали, но это никогда не бывает легким делом. Надеюсь, они скоро починят мост — мне не хотелось бы идти по нему дважды».

— Так мы сейчас это обсудим?

«Думаю, выбора не так много. Соберите всех — привяжите их, если возможно. Платформа фургона должна быть водонепроницаемой, а если это не так, у нас есть более серьезные проблемы».

Два ниндзя-медика кивнули, затем нырнули обратно под капот фургона и принялись за работу.

«Меня обязательно привязывают?»

Ближайший к ней медик, нара по имени Юи, взглянул вверх. — Ты умеешь плавать? Ну?

"Да."

Это заставило ее брови приподняться. "Действительно?"

«Это была часть моей тренировки генинов».

«Ха. Хорошо, тогда мы отпустим тебя на свободу. Но если тебя выбросят из повозки, тебе придется вернуться обратно».

"Понял."

«Просто предупреждаю: это не будет весело. Мне уже приходилось делать это однажды, с рекой, которую мы перешли вчера во время поездки пару месяцев назад, и переходить реку вброд — даже когда мы знаем лучшее место, чтобы переправиться, и что мы достаточно мелки, чтобы не нуждаться в плоте, — это... неприятно».

«Смогут ли лошади справиться с этим?»

— Одни? Нет. Мы выйдем из повозки и потянем за собой колеса, удерживая их тоже на месте.

"Нужно ли мне-"

«Ты можешь выйти и пойти рядом с нами, чтобы облегчить ношу, но ты не можешь помочь. Правила».

«Тогда я сделаю это». Имея в виду план, Сакура вылезла из повозки и направилась к берегу реки.

Лошади, казалось, почувствовали надвигающуюся опасность, а это означало, что возница уже был занят их успокоением. Поскольку ниндзя тоже был занят, единственным шиноби, который следил за ней, был сенсор Хьюги, расхаживающий по тележке. (Обычно охранников было двое, Сакура знала. Один датчик Хьюги выполнял работу обоих. Она задавалась вопросом, какое напряжение они оказывали на них, учитывая напряжение, которое ей оказала гораздо более легкая позиция.)

— Значит, ты собираешься идти? Он спросил.

«Да. Есть кто-нибудь...»

«Если бы они были, я бы поднял тревогу».

«Да, очевидно. Извините».

Он улыбнулся. Это была сдержанная улыбка — Хьюга не были кланом, особенно известным своей эмоциональностью, — но она была. «Поверь мне, Яманака. Сделай перерыв».

Сакура вздрогнула.

После столь долгой работы мне все еще казалось неправильным не иметь ничего общего.

"Я просто-"

«Ты еще молод. Ты поправишься».

— Да, но... — Сакура сделала паузу, ожидая, что ее снова прервут, но Хьюга промолчал. «Я больше не знаю, как сделать перерыв».

«Я уверен, что когда ты доберешься до Конохи, тебе станет легче. В любом случае, это не навсегда».

Что ж, это была правда; после того, как она вернулась в ворота Конохи, ей дали только три недели без работы, а затем снова предстояло исследование, с еженедельной проверкой от ее руководителя, что она работает хорошо.

«Нет. Все еще кажется неестественным».

К лучшему или худшему, это было правдой.

После нескольких месяцев отсутствия доступа к собственным воспоминаниям Сакура больше не чувствовала себя никем, кроме себя. Конечно, это означало, что ожидания Ардена (среди которых не было детей-солдат) больше не оправдывались.

По мнению Сакуры, все ее образование и идеологическая обработка подсказывали ей, что в ее возрасте ей следует работать, и поэтому это ничто начало сказываться.

— Тогда найди себе хобби.

"У меня есть-"

«Не связанное с работой. Работа-хобби... думаю, это нормально, но тебе это явно не помогло».

Сакура знала, что лучше не задаваться вопросом, откуда он так много о ней знает. Сенсоры, будучи довольно небольшим и избирательным сообществом, были довольно склонны к сплетням.

На самом деле это была единственная причина, по которой она знала, что с Ясуо все в порядке — его перевели на работу, очень похожую на работу Хьюги, несколько месяцев назад, после того как Сакуру поместили в медицинскую палатку, и (по слухам) он не особенно получал удовольствия. его отстранение от линии фронта.

— Так что же ты тогда предлагаешь? Оригами?

«Почему все верят, что каждый Хьюга любит оригами?»

«Это твоё хобби?»

Хьюга молчал. Сакура отклонила этот вопрос.

— Если не это, то что?

«Я не ты, Яманака. Я не знаю, что ты считаешь наиболее полезным. Но найди что-нибудь. Боюсь, стрессоры в этом мире постоянны, и механизмы преодоления совершенно необходимы». Его рука почти незаметно дернулась ко лбу.

За это она могла бы поблагодарить свою клановую подготовку. Однако прежде чем она смогла понять смысл, их прервали.

"Пора!" Водитель закричал, и ниндзя-медик выпрыгнул из тележки, развернувшись в стороны, чтобы подтолкнуть ее вперед. Сакура отошла от них вверх по реке и начала свой полу-плести-полуплыть вперед, когда Хьюга прыгнула на повозку, полностью открыв глаза в этом, их самом слабом месте.

Хобби, возможно, и была хорошей идеей, но на самом деле это не решало основную проблему Сакуры.

Когда она погрузилась в воспоминания Арден, она почувствовала слишком сильное отвращение к миру, что сделало ее неспособной жить в нем, и в результате основная техника ее мозга «игнорировать проблемы» рухнула под собственным весом.

Теперь, после нескольких месяцев, проведенных в больнице, вытеснив все мысли, воспоминания и переживания Арден из собственного сознания, Сакура больше не чувствовала, что не может управлять этим миром, но она также и не чувствовала себя самой собой.

Больше всего на свете она чувствовала себя идеологической обработкой.

Тот счастливый баланс, который у нее был раньше, когда она проживала свою жизнь, осознавая свои проблемы, но имея возможность откладывать их решение, исчез.

И она не знала, как вернуть его.

.

Быть дома было приятно.

Вернуться в Коноху само по себе было достаточно хорошо, но быть дома... быть дома было просто приятно.

После первых нескольких дней неловкости между ней, Коханой и Химари, когда они приспособились к ее присутствию, это просто...

Работал.

Не все было, конечно, приятно.

Например, Кохана и Химари управляли своим детским садом вне дома.

Сакура еще не удосужилась их всех пересчитать, но толпа детей, которые приходили по крайней мере каждое утро и не уходили до вечера, легко насчитывала несколько сотен

человек. Их, вероятно, были десятки, включая младенцев, но все же.

Сакуре потребовалось меньше дня, чтобы понять, почему ее сестры так ценят выходные.

Более активно, по крайней мере, для Сакуры, было то, насколько все были заняты. Конечно, это не было сюрпризом — поскольку большинство шиноби находились за пределами стен деревни, всем приходилось работать вдвойне, чтобы все работало, но прошла неделя, а она все еще видела Айко только один раз во время пятнадцатиминутного обеда. перерыв, ее невестка Юи дважды между ее сменами и ее брат Камуи три раза - он был благодарен, что она вернулась домой, но предупредил ее, что потребуется некоторое время, чтобы организовать праздничный пир, что с продолжающаяся нехватка продовольствия в самом Конохагакуре.

Даже дети были заняты: дни в Академии удлинились, чтобы сократить время, необходимое для подготовки детей к бою, и, кроме того, из-за нехватки рабочих кадров Академия назначала D-ранги для нынешних студентов, чтобы только что окончившие школу могли сразу перейти к работе. C-ранги.

Единственные, кто не был занят...

Единственные, кто не был занят, были такие, как она.

Раненый.

Больница Конохагакуре — крупнейшая больница в мире, с немалым отрывом — на самом деле представляла собой скорее комплекс, чем отдельное здание, хотя крытые переходы соединяли все части вместе, так что, войдя в одно из зданий, вы не придется подвергать себя воздействию грязи или дождя, пока вы полностью не покинете комплекс.

Главный госпиталь был именно этим (а также зданием, из которого был построен исследовательский корпус, и, следовательно, тем, в которое Сакура чаще всего входила до войны), и западным крылом, которое было построено через несколько лет после первоначального строительства. конструкция — была во многом такой же, но была специально построена для обслуживания пациентов-шиноби.

С другой стороны, в западном здании располагались почти все кабинеты нехирургических врачей и врачей неотложной помощи в городе. Северное здание, которое находилось позади главной больницы, было построено как пристройка для педиатрической помощи (Сакура до сих пор помнила некоторые из его палат), а здание, куда Сакура направлялась каждое утро, восточное здание, было более известно всем как Район Возвращающихся Шиноби.

Сакуру и всех остальных шиноби учили ненавидеть возвращающегося подопечного шиноби.

О, как здорово, что оно было в Конохе - не зря ее Скрытая Деревня считалась лучшей в сфере медицинского обслуживания - но.

Ну, чтобы оказаться в палате, что-то пошло не так.

По крайней мере, Сакуре не обязательно там жить.

Вместо этого она приходила каждый день ровно в восемь, регистрировалась, выполняла умеренно сложные физиотерапевтические упражнения (она была более или менее прикована к постели в течение нескольких месяцев, и хотя она не обязательно была не в форме, она также была не в форме. физическое состояние, которое должен был поддерживать синоби), а затем

отправился в психиатрическую больницу.

Каждый раз она задавалась вопросом, не помешает ли ее продолжающееся игнорирование Ардена методам психического восстановления, все еще находящимся в зачаточном состоянии и все еще проверяемым Исследовательским отделом, работать.

Она также задавалась вопросом, почему ей пришлось идти до палаты, когда ее лечил Яманака.

И она задавалась вопросом, есть ли вообще смысл идти, если, судя по тому, что она могла сказать, идея лечения Конохи — передышка от линии фронта, (относительно длительный) период отдыха, заставляющий пациентку (ее) перемещать чакру по всему телу. контролировать тело и каждый день говорить пациенту, что он выздоровеет, — это не...

Ну, это не было чем-то кричащим «эффективно!» в ее мозгу.

Конечно, это может быть потому, что мир Ардена, мир без чакры, с двумя печенками, интернетом, палочками и колбочками в глазных яблоках, поступил по-другому. Она не могла вспомнить, чтобы у Арден были какие-либо воспоминания о военном стрессе, а тем более о лечении военного стресса, но вполне возможно, что она помнила, что Сакура когда-то знала, что она это делает, и что Сакура когда-то тоже знала, что методы лечения были разными. чем здесь прописано.

Конечно, в тех медицинских воспоминаниях об Ардене ни один из них не отмечен как «излечимый в юности, а не в зрелом возрасте», и, опять же, без чакры, так что...

А потом была сама больница.

Сакуру не волновало, сколько лет прошло; ее даже не волновало, что месяцы пыток происходили даже не на территории больницы.

Она всегда ненавидела больницу.

Но Сакуре требовались усилия, чтобы работать, поэтому она продолжала делать то, что ей сказали.

Каждое утро она ходила в больницу, каждый день сидела и делала как можно меньше, чтобы «отдохнуть мозг», а вечером делала дыхательные упражнения, пока не засыпала.

Каждый.

Одинокий.

День.

А через неделю Сакура поняла, что очень близка к тому, чтобы сойти с ума от скуки, и сказала об этом доктору Яманаке, и он сказал ей, что она могла бы – если придется – искать ненапряженные и нестрессовые развлечения каждый день.

Сакура так и сделала.

Крыша офисного здания, с которого она и остальные Чинмоку смотрели тренировочную площадку 16, была почти такой же, хотя и немного грязнее за те годы, что стояла пустой.

Она заняла свое положение в одиночестве и посмотрела вниз.

Там никого не было.

Она ждала.

Почти через полчаса ее терпение было вознаграждено.

«Я просто думаю, что это глупо!» — сказала Узумаки Кушина, собирая волосы в хвост, когда разговаривала с Учихой, которая уже заплела волосы в косу.

«Я не понимаю почему — твои волосы регулярно мешают тебе во время спаррингов. Я знаю, что тебе нравится распускать их, но ты знаешь, что это мешает во время боя».

Кушина фыркнула. «Я могу победить с препятствиями или без них». Затем, после паузы, чтобы осмотреться, она с любопытством повернулась к Учихе. «А где все остальные? Эй! Ты заставил нас прийти пораньше, не так ли?!»

Учиха улыбнулся. «Ну, учитывая то, что произошло в прошлый раз...»

Через несколько секунд эти двое были заняты полуигровой, полумстительной игрой в погоню, носясь вверх, вниз и через тренировочную площадку так быстро, как только могли.

И тут появилась следующая партия детей.

Сакура почти фыркнула от этой мысли.

Дети .

Кушине сейчас было одиннадцать или около того, а девочка Учиха выглядела примерно ровесницей Сакуры, может быть, немного моложе.

Оба, судя по протекторам на лбу и отсутствию униформы, были генинами.

Так же были и другие Учиха, Акимичи, Инузука, Оникума, Ино-Шика-Чо, Сарутоби и другие ниндзя клана генкай, не принадлежащие к кеккей, которые быстро начали заселять тренировочную площадку.

Один из таких ниндзя, блондинка, которую Сакура смутно узнала, хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание остальных, через пару минут, пока не прошло ни одного нового появления.

«Хорошо, кто готов к первому грандиозному королевскому турниру?!»

Сакура, чей интерес уже был вызван огромным количеством собравшихся генинов — очевидно, кто-то потратил много времени и энергии на то, чтобы собрать все это вместе, — наклонилась вперед.

Толпа взревела.

«За последние пару дней я, с помощью моих уважаемых коллег», — здесь мальчик указал на нескольких других, в частности, только на одного — Яманака из квартала, который однажды пнул одного из хулиганов Химари в обе голени. — призналась Сакура. «Придумали правила для этого грандиозного представления!» Мальчик начал повторять почти слово в слово правила Академии, за исключением того, что разрешалось носить оружие.

И тогда он объявил первый матч: Кушина против очень мускулистого члена клана Ли.

Большинство техник тайдзюцу преследуют одну главную цель: причинить другому человеку еще большую боль. Некоторые этого не сделали; некоторые сосредоточились на выведении из строя сохранения энергии или минимизации травм или чего-то еще, но большинство так и сделало. Стил Кушиной явно не вписывался в эту категорию. Сакура наблюдала, как руки молодой девушки стали черными и синими под силой ударов, поскольку, возможно, выводящие из строя удары по туловищу могли наноситься всего в нескольких дюймах от опасной зоны... Сакура наблюдала, как Кушина использовала каждую атаку как приглашение атаковать в ответ. уклонения или блока. Постепенно ее противник, по крайней мере на два года старше ее и, несомненно, имеющий к тому же реальный боевой опыт, сам начал чернеть и синеть, начал все больше и больше уставать от силы, стоящей перед ним, и в то же время,

Узумаки победил. Руками.

И вот пришло время следующего боя.

Сакура решила, что это отличный способ провести время восстановления.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3321333>